

Злую шутку со мной сыграл мой несерьёзный взгляд на мир и слабохарактерность. Я довольно мягкий человек, который не может даже сказать «нет», когда надо.

Да и как мне было оставаться серьёзным? Я видел то, чего не должен был; делал то, что не смел бы сделать человек, рассчитывая остаться после этого в здравом уме. И я, можно сказать, лишился возможности смотреть на мир здраво.

Пару лет назад я вернулся на Родину с двадцатилетней войны. Вернулся с победой. И так уж случилось, что по итогу моя личность оказалось крайне известной. Можно сказать, она была символом или даже иконой нашей страны. Чему я был удивлён, даже поражён. Я до этого знал, что известен, но не думал, что настолько.

Я делал отвратительные поступки, очерняющие саму суть человека — но меня за них восхваляли. Мне было отвратительно смотреть на себя в зеркало — но меня крутили по всем возможным экранам. Я ненавижу себя — но меня обожали. Сила пропаганды сделала из меня легенду.

А ведь когда-то я был совершенно обычным парнем, с простыми амбициями и желаниями, что так и не успел исполнить. Я думал, будет время потом — но даже потом, ещё недавно бывшим «сейчас», мне этого не дали; ко мне пришли люди и сказали, что долг не окончен. Выбор? Я же говорил, я человек мягкий. Я не умею отказывать, когда кто-то давит на мое чувство «долга».

Я ехал, куда говорят, делал, что говорят. Позировал и фотографировался. А про себя удивлялся масштабности происходящего. Тогда я ещё не понимал, зачем всё это, или просто не хотел понимать. Я же говорю, что перестал смотреть на мир здраво. Так что я просто плыл по течению.

Так продолжалось, пока в один день мне впервые не пришлось выступить на публике с подготовленной речью. А вскоре и все заранее подготовленные материалы нашли своё применение. Тогда всё сошлось, и озарение накрыло — из меня делают официальное лицо всего моего любимого народа. Человека, ответственного за всю страну, и в то же время — их марионетку.

Вот тогда я и понял: я — баклан! Это никакие не шутки и всё серьёзно. И что самое главное — я этого не хочу!

Вот только сдавать назад уже слишком поздно. Мне пришлось продолжать играть свою роль дальше, в душе совершенно не желая брать на себя такие обязанности.

“Расслабься, это всё лишь номинально.” — говорил мой куратор, — “Твоя роль, как у актёра. Нужно просто действовать по сценарию. А тебе ведь не привыкать, не так ли?”

Я не мог сказать им нет, но меня мучила совесть. Одно дело следовать приказу и совершать низкие поступки против врага, но другое дело — против тех, за кого воевал. А приказы своих

кураторов я знаю.

В моей голове завертелись мысли, как слить выборы. Слить их так, чтоб меня не избрали. Вот только я не мог и не хотел очернять свой образ. Все таки я мелкий человек.

Нужно просто показать людям, что я не подхожу. Если не могу отказаться я, пусть тогда откажутся от меня. И тогда я стал нести перед толпой все, что взбрело на ум. Я говорил о крови, о войне, обо всем кошмаре, что видел и делал. Надеялся, что это позволит им лучше понять, что не подхожу на эту роль. Но случилось обратное. Меня за это полюбили еще большее.

Видимо, по глупости я стал популистом, говоря именно то, что от меня хотели услышать. От меня ждали политики, но я давал шоу. И если до этого множество людей высказывали сомнение, сможет ли тупой солдат без опыта стать президентом, то сейчас их голоса были подавлены криками тех, кто желал видеть меня во главе страны. И они искренне верили, что я смогу изменить систему. А боссы смеялись.

В конце концов, я и стал президентом. Президентом-ветераном, который не может говорить “нет”, да еще и с обостренным чувством долга.

Как думаете, сколько я продержался на посту?

* * *

Прямо посреди ночи Действующего Президента Иванова Ивана Ивановича почти застигли врасплох – в то время как он был завален тоннами бумажной работы и не мог позволить себе ни минуты отдыха.

Три темных фигуры подкрались сзади. Президент почувствовал угрозу слишком поздно – они уже были в комнате. Сжав в кулаке металлическую ручку, словно клинок, Иван тут же взмыл в воздух и обернулся на сто восемьдесят градусов, нацелив металлический стержень прямо на врага.

Три темных тени замерли, не ожидав от него такой прыти. Они внутренне сжались, ведь произошедшее для них оказалось подобно внезапному скримеру! Вот они идут по темному коридору, в конце которого из-за приоткрытой двери проливается едва видимый свет. Они ступают беззвучно, их скрытность идеальна, даже дыхание подавлено. Проникают в комнату и видят одинокий сгорбленный силуэт за столом. Они успевают сделать всего шаг, как тот внезапно подскакивает и оборачивается. Выражение его лица заставляет их пятый элемент напрячься.

Их нервы оказались на пределе. Они не чувствовали ни капли уверенности. Ведь задание — захватить живым легенду. Убийцу тысяч. Безумного зверя. Короля поля битвы. Жнеца восходящего солнца. Его прозвища можно было перечислять очень долго, и по сравнению с

ним они — жалкие юнцы, котята, решившие укусить льва.

Вот только и лев этот – уже не тот, что раньше.

Грудь президента тяжело вздымалась. Всего от одного чрезвычайно быстрого движения его тело оказалось на грани. Он лишь резко встал, а его дыхание сбилось. В голову резко ударила кровь, в глазах потемнело, ноги задрожали. От всплеска адреналина закололо сердце. Он оказался так слаб...

Трое теней видели его жалкое состояние, но всё же медлили. Сейчас, столкнувшись с ним лицом к лицу, они не могли сделать и шага. В его глазах они не видели слабости. Он мог сдерживать их одной лишь своей аурой.

Прошли секунды, что казались минутами. Но, наконец, три тени скользнули ему навстречу.

Что мог сделать калека, вооруженный шариковой ручкой, против спец-бойцов на пике своей силы? Это в былые времена Иван мог с этой самой ручкой выступить против целого взвода и победить. Но сейчас... ослабевший, он не мог сделать ровным счетом ничего. Лишь дорого продать свою жизнь.

Так он думал. Но даже этой малости ему не дали сделать. Пусть его «чувство» все так же остро, а реакция превосходит человеческие пределы, тело всё же его подвело. Он сделал всего один вздох, как оказался уже окружен. А затем, на втором вдохе, его взяли грубой силой.

Один из нападавших закинул ему на голову мешок, а двое других связали руки.

Шариковая ручка так и не вкусила крови врага, о чем Иван глубоко сожалел. Ведь она, видимо, станет его последним оружием в этой жизни. Он не мог это так просто оставить и ловким движением он успел закинуть её себе в рукав, перед тем, как самого президента впечатали лицом в землю.

А затем, не теряя времени, его потащили во двор, чтобы закинуть в салон припаркованной иномарки, готовой отбыть сразу же, как «посылка» будет получена.

Внутри машины, в салоне класса «люкс» его уже ждал «куратор». Он смерил пленника внимательным взглядом, прежде чем кивнуть самому себе. Все прошло по лучшему сценарию. Хотя и были некоторые опасения, но они всё же проявили к бывшему монстру уважение, не применив бесчестных методов борьбы.

И куратор был доволен собой. Настолько, что даже расслабился и протянул руку, чтобы стянуть с головы пленника мешок.

Под ним показалось знакомое лицо.

— Ну что ж, времени у тебя осталось мало. Есть какие пожелания на свою будущую жизнь? -- словно шутя, произнес куратор, – Мы тебе многим обязаны, так что не стесняйся, рассказывай.

На секунду Президент Иванов Иван Иванович задумался. Его бывшие боссы решили напоследок поиздеваться?

– Знаешь, мне бы хотелось, что хотя бы в следующей жизни, все мои обещания исполнялись. Причем так, чтобы я сам не мог от них отказаться. Чтобы они были не пустым звуком, как ваши слова, а тем, с чем даже боги ничего не могли поделать, а небесам оставалось лишь дрожать.

Это должна была быть шутка с примесью желчи, но прозвучало слишком странно. Иван про себя даже выругался. Эти чертовы китайцы! Слишком много времени он провел в обществе их высокопарных небесных аналогий. Они залезли в его мозг настолько глубоко, что заменили добрую часть его повседневных фраз и эмоциональных изречений.

Как результат – его перестали понимать люди. Он сам перестал себя временами понимать. Например, сейчас куратор, изначально говоривший вроде как шутливо, перешел на серьезный тон.

– Ну, нам все же приходилось считаться с тобой и твоими «обещаниями». Пускай мы и не совсем боги, но ты всё равно можешь собой гордиться.

Бровь Президента Иванова Ивана дёрнулась, он хотел было сказать что-то ещё, но его перебили:

– Впрочем, ладно. Пускай так. Небеса задрожат от твоих обещаний, – куратор издал тяжелый вздох, – Может, есть что ещё, попроще? И лично для тебя? Всё-таки мы многим тебе обязаны.

Иван рассмеялся. Что за игру затеял этот старый лис?

– Я всю жизнь жил ради кого угодно, но уж точно не ради себя... – Иван тихо засмеялся, – И вы мне говорите это только сейчас? Хотите узнать, чего не было в моей жизни? Наверное, женщин? За все прожитые года, я так и не женился. Так что если уж я чего и хочу изменить в своей жизни, так это отсутствие противоположного пола.

– О, разве это так? – куратор был удивлен, – С твоим-то статусом и известностью ты мог просто выйти на улицу и взять любую.

– Да? Когда это вы мне давали время на них? – всё ещё смеялся Иван, – Да и я сам молодец, всегда говорил себе: ещё успею. Это потом, сейчас есть дела более важные. Я как-то видел одно видео, про одержимого космонавта... Вернее рисованную анимацию. Клип, где в центре сюжета – простой корейский парень, с детства пленённый мечтой – стать первым человеком на

Луне. Он посвятил ей жизнь, отдавался ей без остатка и ограничивал себя во всём, что не касалось дела. Наверное, он понимал, что теряет. Но всё же убеждал себя: ему воздастся за всё потом. После того самого дня, когда он ступит на Луну и вернётся домой. А затем... этот день наконец настал. Он ступил на Луну и вонзил в неё флаг...

На несколько секунд в машине повисла пауза.

- Знаешь, в чём моё с ним отличие? - с ухмылкой спросил Иван.

- Мм, - куратор даже не попытался изобразить задумчивость, - Даже не представляю.

- Отличие в том, что я вернулся домой, а он - нет, - Иван ухмылялся, - В момент, когда он ступил на Луну, по воле злобного сценариста - Земля взорвалась! Ему оставалось лишь смотреть на это, осознавая, что вся его жизнь стоила бесценок! Он её прожил впустую, ради чужих ценностей, и теперь у него даже нет оправдания завтрашнего дня. Сожаление - вот что нас объединяет, - Иван на секунду замолчал, а затем добавил: - Так что пошли вы в жопу.

Лицо куратора не выражало ничего. Его немного раздражало это многословие, но всё же он терпеливо слушал.

Иванов Иван Иванович искренне улыбался.

- Я верю этим чертовым азиатам! Черт, я действительно общался с ними слишком много. Более того, я молю о том, чтобы все было именно так, как они говорили мне, умирая. Что после смерти действительно ждет другая жизнь... Новая, с чистого листа, который не омрачат вся грязь и ошибки предыдущей.

Куратор взглянул на Ивана.

- Это тоже твоё желание? Забыть всё и начать с чистого листа?

Но тот покачал головой.

- Нет, конечно нет, - его взгляд немного расплылся, - Не хочу забыться и повторить те же ошибки.

Куратор молчал, ожидая, что же тот скажет.

Наконец, раздался тихий голос Ивана.

- Д-а-а... Если бы я мог выбрать свою следующую жизнь, то я хотел бы быть бесполезным.

Самым бесполезным из всех людей во всем мире, ненужным никому, обделенным даже каплей таланта! Полной противоположностью того, кем я родился в этом мире!

Куратор кинул на него короткий взгляд, кивнул, а затем проверил время и место. Через три минуты они будут на точке.

- Простите, господин президент. Но мы уже почти приехали. Если есть еще что-то недосказанное, то тебе стоит поторопиться.

Но тот покачал головой.

- Хватит с меня. Эта шутка и так зашла слишком далеко, - говоря это, он как бы невзначай встряхнул рукой, чтобы опустить припрятанную ручку в рукаве и иметь возможность в любой момент ее выхватить.

И пускай его с обеих сторон все еще зажимали «тени», Иван всё же ожидал, что ему ещё выпадет шанс. Он не привык так просто сдаваться, а этот разговор он поддерживал для создания видимости, что он, мол, уже смирился со своей судьбой.

Все бы сложилось идеально... если бы ему снова не накинута на голову мешок. Машина остановилась, и его снова, ухватив с двух сторон за плечи, куда-то потащили. Если судить по звуку - какое-то пустое здание с кучей длинных коридоров и лестниц.

- По-хорошему, - вновь заговорил куратор, - ты уже давно не был нам нужен. Твоя харизма помогла выиграть выборы - здесь тебя никто не мог заменить, признаю. Но теперь, когда ты уже у власти, никто не мешает нам поставить на это место одного из твоих двойников, которых мы заготовили полгода назад...

С его головы стащили мешок, и Иван поднял голову от бетонного пола. Куратор стоял перед ним, держа в руках пистолет - самый обыкновенный, хотя и самой надёжной модели.

- Правда хочешь сделать это сам? - искренне удивился Иван. Пистолет его не пугал... хотя от мысли, что никто не узнает о его смерти, что двойник, которого поставят эти лицемерные мрази, заберёт себе его жизнь, была всё же страшноватой.

- Не могу отказать себе в этом маленьком удовольствии, - сдержанно улыбнулся куратор. - Моральная компенсация за то, что столько времени терпел твой тупой трёп.

Вот и Иван хотел того же. Он был уверен, сил ему хватит на один последний рывок. А потом... потом не важно. Он просто хотел забрать с собой куратора. Это была его маленькая вольность перед смертью.

Иван молча. Он предполагал, что куратор не будет стрелять с расстояния и подойдет чуть ли

не в упор. Тот так и поступил.

Шаг. Второй. Третий. Куратор оказывается на расстоянии метра и начинает поднимать пистолет. В этот момент Иван делает рывок к нему. Металлической молнией ручка в его руке рассекает воздух, а затем достигает горла куратора. Щелчок – и её кончик проникает в плоть, а затем доля секунды на неумовимое движение... И на бетон хлещет кровь из открытой раны.

«Тени» ожили только через две секунды – столько им потребовалось, чтобы сообразить, что вообще происходит. Затем они навели на него пистолеты... И замерли, не решаясь стрелять, пока их босс в руках у Ивана.

Куратор завопил и попытался ударить Ивана прикладом в висок, но тот перехватил его руку и, используя его собственный вес, впечатал в твёрдый пол.

Вот только этот удар оказался последним и дня самого Ивана. Искалеченное тело не выдерживает нагрузки, и встать Президент уже не может. Несколько секунд «тени» стоят, с испугом глядя на него, а затем один из них завопил:

– Не стойте!! Это всего лишь инвалид!

Нога в тяжёлом ботинке врезается Ивану в рёбра, опрокидывая его на спину. Последнее, что он успевает увидеть – это куратор, судорожно пытающийся зажать руками рану на распоротом горле. Иван по опыту знает – бесполезно, они даже не успеют довести его до больницы.

Получилось. Он крепко вцепляется в ручку...

Щелчок.

Выстрел.

Тьма.

<http://tl.rulate.ru/book/24736/575870>